

АРСАН
РЕСТОРАН

ОН:
НЕ РЫЧАТЬ!
НЕ КОМАНДОВАТЬ!
НЕ ВЛЮБАТЬСЯ!

ТЫШКА
ПРОТИВ

КАВКАЗА

или НЕ РЫЧИ,
АДАМОВИЧ!

КРИС-
МЕНЕДЖЕР
ИЩЕТ ХАОС.
НАЙДЁТ
ЛЮБОВЬ.

КОЗА РОЗА
НА СТОРОНЕ
ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ

Алекс Скай

Пышка против Кавказа, или Не рычи, Адамович!

<https://litres.ru/74494158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варвара Морозова — кризис-менеджер с острым языком, железной выдержкой и договором, который дает ей право навести порядок в семейном ресторане «Арсан». Она планировала тихо приехать, разобраться с отчетами, поставщиками и фестивалем но уже на вокзале ее встречают потерянный чемодан, коза Роза и табличка «Невеста Дамира».

Дамир Адамович Арсанов привык, что в его ресторане решения принимает он. Его слушают, боятся, уважают — и не спорят. Но Варя не из тех женщин, которые становятся тише рядом с властным мужчиной. Особенно если этот мужчина рычит, прячет проблемы за словом «традиции» и уверен, что московская «пышка» не продержится в его доме и трех дней.

Теперь у них месяц до фестиваля, ресторан на грани провала, бывшая невеста Дамира плетет интриги, конкуренты ждут падения «Арсана», а вся шумная южная родня наблюдает, кто кого первым доведет: Варя — Кавказ или Кавказ — Варю.

Он думал, что она пришла разрушить его порядок.

Она докажет, что пришла вернуть его дому жизнь.

Содержание

Глава 1. Пышка приехала — Кавказ напрягся	5
Глава 2. Не рычи на женщину с договором	38
Г	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алекс Скай

Пышка против Кавказа, или Не рычи, Адамович!

Глава 1. Пышка приехала — Кавказ напрягся

Варвара Морозова поняла, что поездка не задалась, в тот момент, когда ее чемодан уехал в сторону моря, а навстречу ей по вокзальной площади бодро вышла коза.

Коза была белая, круглая, с выражением лица опытной проводницы дальнего следования. Она уверенно пробралась между таксистами, ткнулась носом в край Вариного платья и посмотрела так, будто именно Варя опоздала к назначенной встрече, а не поезд прибыл на сорок минут позже.

— Девушка, это ваша? — спросил усатый мужчина у ларька с горячими лепешками.

Варя опустила взгляд на козу, потом на мужчину.

— Пока нет. Но если мой багаж не найдется в ближайшие десять минут, я готова рассмотреть любые формы компенсации.

Мужчина моргнул.

Коза одобрительно мекнула.

Южный город встретил Варю жарой, пылью, запахом жареного теста, спелых персиков и такой громкой человеческой жизнью, что после московского вокзального холода это казалось нападением на все чувства сразу. Солнце било по стеклянной крыше станции, воздух дрожал над асфальтом, таксисты спорили у шлагбаума, кто кого «первый увидел», две женщины у киоска обсуждали чужую свадьбу так громко, будто это было заседание суда, а на стене красовалась табличка: «Добро пожаловать в Аразинск».

Варя поправила ремень сумки на плече и глубоко вдохнула.

Вот оно.

Новый город. Новый контракт. Новый ресторан, который нужно было вытащить из ямы за месяц до гастрономического фестиваля.

И, судя по козе, новый уровень абсурда.

Телефон в руке настойчиво мигал сообщением от инвестора.

«Варвара, вас встретят. Водитель будет с табличкой. Ресторан “Арсан”. Дамир Арсанов в курсе вашего приезда. С ним может быть сложно, но вы справитесь».

Варя перечитала последнюю фразу и усмехнулась.

С ней всегда так было. Если клиент писал «может быть сложно», это означало, что на месте ее ждет либо финансовый хаос, либо семейная война, либо мужчина с лицом гра-

нитной плиты, уверенный, что кризис-менеджер — это человек, который красиво кивает и не мешает хозяину тонуть.

Варя таких уже видела.

Некоторые даже выжили после знакомства.

Она была пышной, высокой, громкой там, где надо, спокойной там, где другие начинали метаться, и категорически не умела становиться меньше, чтобы кому-то было удобнее на нее смотреть. В детстве тетки на семейных праздниках вздыхали: «Варенька, тебе бы чуть-чуть похудеть — такая красавица была бы». Варя тогда еще не умела отвечать. Теперь умела.

Обычно спрашивала: «А вам бы чуть-чуть помолчать — представляете, какая красота бы наступила?»

Правда, сейчас молчать стоило бы не теткам, а сотруднице багажной службы, которая стояла перед Варей с таким видом, будто исчезновение чемодана — это не проблема, а философская возможность освободиться от лишнего.

— Ваш багаж, вероятно, погрузили в автобус до Приморска, — сообщила девушка, неуверенно улыбаясь.

— Вероятно, — повторила Варя. — Прекрасное слово. Оно сразу делает трагедию воздушнее.

— Но мы подали запрос.

— А чемодан об этом знает?

— Что?

— Ничего. Просто уточняю уровень управляемости ситуации.

Девушка виновато посмотрела на Варину дорожную сумку.

— У вас же есть ручная кладь.

— Да. В ней ноутбук, договор и запасные серьги. Если ресторан “Арсан” можно спасти серьгами, я готова начать прямо сейчас.

Позади кто-то хмыкнул.

Варя обернулась и увидела мужчину лет пятидесяти в светлой рубашке, с черными усами, кепкой и табличкой в руках. На табличке размашисто было написано: «НЕВЕСТА ДАМИРА».

Варя посмотрела на табличку.

Потом на мужчину.

Потом снова на табличку.

— Я, конечно, многое слышала про южное гостеприимство, — сказала она, — но чтобы сразу так, без кофе и согласия сторон?

Мужчина просиял.

— О! Значит, вы и есть!

— Кто?

— Невеста Дамира Адамовича.

Коза снова мекнула, будто подтверждала важность момента.

Варя медленно сняла солнцезащитные очки с макушки и надела их на нос. Иногда это помогало скрыть выражение лица, которое могло травмировать неподготовленных людей.

— Давайте начнем с простого, — произнесла она. — Меня зовут Варвара Морозова. Я приехала по контракту в ресторан “Арсан”. Я невестой никому не являюсь, особенно человеку, которого не видела ни разу в жизни.

Мужчина энергично кивнул.

— Правильно. Дамир Адамович тоже говорил: “Женщина приедет страшная”.

Варя медленно повернула к нему голову.

— Что?

Он замер.

— То есть... нет. Не страшная. Строгая. Строгая! Я плохо сказал. Русский язык богатый, я в нем иногда бедный.

— Передайте вашему Дамиру Адамовичу, что женщина приехала не строгая, а профессиональная. И если он уже успел назвать меня страшной, то пусть готовится увидеть самое страшное — отчетность.

Мужчина перекрестился.

— Ой, не надо отчетность. У нас бухгалтер от нее плачет.

— Значит, я приехала вовремя.

Он схватил табличку и поспешно перевернул ее обратной стороной. Там оказалось написано уже другое: «ВАРВАРА МОРОЗОВА».

— Я думал, если напишу “невеста”, вы быстрее меня найдете. У нас тут сегодня две свадьбы, три тещи и один автобус с туристами. Все ищут кого-то.

— И коза?

— Коза сама по себе. Это Роза. Она уважаемая.

Роза снова ткнулась носом в Варину сумку.

— У Розы хороший вкус, — сказала Варя. — Но пусть уважает дистанцию. В этой сумке моя жизнь и два договора.

— Меня зовут Гиви, — представился водитель. — Я отвезу вас в “Арсан”. Чемодан потом привезут.

— Потом — это когда?

— У нас на юге “потом” бывает разное. Но я позвоню племяннику. Он работает там, где ваш чемодан теперь путешествует.

— Замечательно. Мой чемодан увидит море раньше меня.

— Не переживайте. У нас в городе все возвращается. Даже бывшие мужья.

— Гиви, — Варя подняла палец, — если по дороге вы начнете рассказывать мне про бывших мужей, я выйду из машины и уйду с козой.

— Тогда едем молча.

Он выдержал ровно сорок секунд.

Машина у Гиви была старой черной «Волгой», внутри которой пахло кожей, солнцем, специями и чем-то сладким из бумажного пакета на переднем сиденье. Варя устроилась сзади, поставила сумку рядом и открыла окно. Горячий воздух ворвался внутрь, растрепал волосы, прилип к коже и тут же принес запах города: пыль, зелень, дым от мангала, фруктовые лавки, бензин и где-то совсем близко — свежий хлеб.

Аразинск оказался не открыткой, а живым существом.

Узкие улицы ползли вверх, дома лепились к склонам, балконы нависали над дорогой, женщины в цветных платьях торговались у прилавков так страстно, будто решали судьбу мировой экономики, мальчишки гоняли мяч между припаркованными машинами, а на перекрестке двое мужчин спорили, кому принадлежит ящик помидоров, хотя, судя по тону, речь шла минимум о наследстве.

— Красиво, — признала Варя.

Гиви сразу оживился.

— У нас очень красиво. Горы видите?

— Вижу.

— Река видите?

— Пока только маршрутку с надписью “Не хлопать дверь, она обидчивая”.

— Это тоже достопримечательность.

Варя улыбнулась и открыла папку с документами на планшете.

Ресторан «Арсан». Семейный бизнес Арсановых. Десять лет стабильной работы, потом спад. Последние полгода — резкое падение выручки, конфликт с поставщиками, две сорванные корпоративные заявки, плохие отзывы о сервисе, текучка среди официантов. При этом — сильная кухня, хорошее место, узнаваемое имя и шанс на крупный контракт, если ресторан достойно выступит на гастрономическом фестивале «Вкус гор».

Месяц.

У Вари был ровно месяц.

Она работала с более тяжелыми случаями. С ресторанами, где шеф-повар бросал ножи в стену, управляющий вел двойную кассу, а владелец считал, что интерьер из искусственных виноградных лоз — это «атмосферно». Она умела успокаивать персонал, срезать лишние расходы, возвращать гостей, придумывать рекламные поводы и разговаривать с владельцами так, чтобы они сначала орали, потом слушали, а потом подписывали нужные документы.

Вопрос был не в ресторане.

Вопрос был в Дамире Адамовиче.

Инвестор написал о нем мало. Тридцать четыре года. Владелец. Старший в семье после смерти отца. Несколько бизнесов. Репутация человека жесткого, закрытого и принципиального. Не любит вмешательства. Не терпит давления. Сотрудники боятся. Родня уважает. Конкуренты обходят стороной.

Варя прочитала это и сразу поняла: будет рычать.

Таких мужчин она называла «монументами собственного решения». Стоит посреди хаоса, вокруг горят сроки, люди, бюджет и репутация, а он говорит: «У нас так принято». Варя в такие моменты обычно отвечала: «У вас принято тонуть? Тогда я с берега посмотрю, у меня платье красивое».

Машина свернула на широкую улицу, где старые платаны давали густую тень. В конце улицы виднелось двухэтажное здание с каменным фасадом, резными деревянными балко-

нами и вывеской «АРСАН» крупными бронзовыми буквами. Под вывеской висел баннер фестиваля, уже слегка перекошенный.

Возле входа стояли трое мужчин и спорили вокруг ящика с зеленью. У двери девушка-официантка держала в руках меню и явно пыталась не заплакать. Из распахнутого окна доносился женский голос:

— Я сказала, лук режется тонко, а не как дрова для печки!

Гиви остановил машину.

— Приехали.

Варя посмотрела на здание.

На перекошенный баннер.

На официантку.

На мужчин у ящика.

На козу Розу, которая каким-то таинственным образом уже стояла у соседнего дерева и жевала край рекламного плаката.

— Гиви.

— Да?

— Скажите честно. У вас тут ресторан или сериал без режиссера?

— Ресторан, — уверенно сказал он. — Сериал начинается, когда приходит Дамир Адамович.

Как по заказу, дверь «Арсана» распахнулась.

На пороге появился мужчина.

Даже если бы Варя не знала, кто он, догадалась бы сразу.

Не потому, что он был самым высоким среди присутствующих, хотя это тоже. Не потому, что все вокруг мгновенно выпрямились, будто в здание вошла проверка пожарной безопасности, налоговая и грозовой фронт в одном лице.

А потому, что от него исходило то редкое, раздражающее, почти физическое ощущение власти, которое некоторые мужчины носят так же естественно, как часы на запястье.

Дамир Адамович Арсанов был темноволосым, широкоплечим, в белой рубашке с закатанными рукавами и темных брюках. Лицо резкое, скулы четкие, нос с легкой горбинкой, взгляд темный и прямой. Не красивый в гладком столичном смысле. Слишком жесткий для этого. Красивый так, как бывает красив камень у обрыва: опасно, упрямо и совершенно без намерения кому-то нравиться.

Он окинул Варю взглядом.

С головы до ног.

Не похотливо. Не восхищенно. Оценивающе. Так смотрят на внезапно привезенный холодильник, который может не влезть в дверной проем.

Варя сняла очки.

— Дайте угадаю. Дамир Адамович?

— Да.

Голос низкий. Спокойный. И недовольный заранее.

— Варвара Морозова, — представилась она. — Кризис-менеджер. Женщина страшная. Или строгая. Версию

уточняйте у Гиви.

Гиви за ее спиной издал тихий звук человека, который решил срочно стать невидимым.

Дамир перевел взгляд на водителя.

— Гиви.

— Я говорил “строгая”, Дамир Адамович. Просто язык споткнулся.

— У тебя язык с рождения идет горной дорогой без тормозов.

— Это семейное.

Варя закрыла дверцу машины и шагнула к ресторану.

Платье у нее было темно-зеленое, дорожное, удобное, но достаточно красивое, чтобы не выглядеть жертвой командировки. Волосы после дороги выбились из укладки, лицо блесло от жары, чемодан отсутствовал, а настроение балансировало между «сейчас я спасу ваш бизнес» и «сейчас я кого-нибудь спасу от иллюзий насчет собственного величия».

Дамир не предложил руку.

Варя и не ждала.

— Вы опоздали, — сказал он.

Она посмотрела на часы.

— Поезд опоздал.

— Значит, надо было выехать раньше.

Варя медленно улыбнулась.

— Адамович, вы сейчас предлагаете мне командовать расписанием железной дороги? Приятно, что вы так высоко

оценили мои полномочия, но начнем с вашего ресторана. Он ближе.

У мужчины у ящика с зеленью вырвался смешок. Дамир даже не повернул головы, но мужчина сразу закашлялся и занялся петрушкой так, будто от нее зависела его судьба.

— Я не Адамович, — сказал Дамир.

— А кто?

— Для вас — Дамир Адамович.

— Тогда для вас я Варвара Сергеевна.

Он посмотрел на нее чуть внимательнее.

— В договоре указано “Варвара Морозова”.

— В договоре много чего указано. Например, что на месяц мне передается операционное управление кризисным проектом. Но вы начали с опоздания, а не с договора. Я подержала стиль беседы.

На лице Дамира не дрогнул ни один мускул.

Но в глазах мелькнуло что-то живое.

Раздражение?

Интерес?

Варя решила, что пока это одно и то же.

Из ресторана выскочила полная женщина лет шестидесяти в темном платье и переднике. Лицо у нее было властное, щеки румяные, глаза такие острые, что ими можно было проверять качество нарезки без ножа.

— Это она? — спросила женщина, не стесняясь рассматривать Варю.

— Она, — ответил Дамир.

— Большая.

Варя подняла брови.

Гиви тихо попятился к машине.

Дамир резко повернулся к женщине.

— Тетя Зухра.

— Что? Я говорю: большая женщина — большое дело делает. Маленькие бегают быстро, а толку мало.

Варя не выдержала и улыбнулась.

— Вот за эту формулировку я, пожалуй, вас пока не вычеркну из списка симпатичных людей.

Зухра прищурилась.

— Я тебе не симпатичная. Я тут главная по кухне.

— Приятно познакомиться. Я главная по тому, чтобы кухня через месяц не осталась без гостей.

Повисла пауза.

Зухра медленно повернулась к Дамиру.

— У нее язык острый.

— Я заметил.

— Хорошо. Тупые ножи на кухне бесполезны.

И с этими словами тетя Зухра развернулась и ушла внутрь, крикнув кому-то:

— Кто опять поставил баклажаны рядом с яблоками? У вас что, продукты жениться собрались?

Варя проводила ее взглядом.

— Она мне нравится.

— Не расслабляйтесь, — сказал Дамир. — Вы ей пока нет.

— Ничего. У меня месяц. Обычно за это время люди либо начинают меня любить, либо прячут от меня документы.

— У нас документы не прячут.

— Тогда почему бухгалтерия плачет?

Он резко посмотрел на Гиви.

Тот уже почти сидел в машине, но понял, что поздно.

— Я не говорил “плачет”. Я говорил... переживает.

— Гиви, — Варя вздохнула, — вы прекрасны как источник утечек. Я вас потом отдельно опрошу.

— А можно не надо?

— Нельзя. Я уже привязалась.

Дамир сделал шаг к ресторану.

— Пройдемте. Я покажу вам помещение, потом обсудим, что именно от вас требуется.

Варя пошла следом, но остановилась у порога.

— Нет.

Он обернулся.

— Что “нет”?

— Сначала я сама посмотрю. Без экскурсии владельца, который будет показывать красивые стены и прятать горящие углы.

— У нас ничего не горит.

В этот момент из кухни донесся звон, грохот и чей-то крик:

— Я говорил, полка держится на честном слове!

Варя посмотрела на Дамира.

Дамир посмотрел в сторону кухни.

— Это не горит, — сказал он. — Это падает.

— Уже легче. Значит, начнем с падающего.

Она прошла внутрь.

«Арсан» был красивым.

И усталым.

Это Варя поняла сразу.

Большой зал с каменными арками, деревянными балками под потолком, тяжелыми столами, медными светильниками, стеной с семейными фотографиями и открытой кухонной зоной за резной перегородкой. Когда-то здесь явно было шумно, тепло и дорого сердцу. Такие рестораны держались не только на еде. Они держались на историях: кто сидел за этим столом, кто играл на свадьбе, кто спорил у окна, кто впервые привел сюда жену, кто праздновал рождение ребенка, кто ругался с отцом и мирился за хачапури.

Но сейчас истории покрылись пылью.

Меню на входе было заляпано, у стойки лежали неразобранные накладные, у окна качался криво повешенный светильник, две официантки шептались, поглядывая на Дамира так, будто он был не начальником, а экзаменом, который они снова не сдадут. В дальнем углу сидела пожилая пара и ждала заказ с лицами людей, которые уже успели обсудить погоду, детей, соседей, смысл жизни и качество обслуживания.

Варя остановилась посреди зала.

Дамир встал рядом.

— Ну?

— Красиво, — сказала она.

Он чуть расслабился.

— Но запущено.

Расслабление исчезло.

— Вы вошли две минуты назад.

— Полторы. Мне хватило.

— Смело.

— Нет. Опытно. У вас сильная база, хороший зал, узнаваемый стиль и кухня, которая, судя по запаху, может вытянуть половину проблем. Но сервис проседает, персонал дерганый, управление в ручном режиме, гостевая зона устала, а баннер на улице висит так, будто его крепили после семейной ссоры.

Один из мужчин у стойки тихо сказал:

— Так и было.

Дамир повернул голову.

Мужчина тут же уставился в пол.

Варя продолжила:

— Плюс у вас нет единой воронки бронирований, отзывы отвечаются через раз, фотографии в карточке ресторана старые, в соцсетях последняя публикация — поздравление с майскими праздниками, хотя сейчас конец августа. И если это все при подготовке к фестивалю, то я начинаю понимать, почему инвестор был нервным.

Дамир смотрел на нее без выражения.

— Вы много говорите.

— Это потому, что я пока не начала работать.

С кухни снова донесся голос Зухры:

— Кто трогал мой соус? Руки покажите! Я по глазам вижу, кто трогал!

Варя повернулась к кухонной зоне.

— Пойду поздороваюсь с хаосом.

Дамир перехватил ее у перегородки.

Не рукой. Просто шагнул вперед, закрывая проход.

— На кухню посторонним нельзя.

Варя посмотрела на него снизу вверх. Не потому, что была маленькой — как раз нет. Просто Дамир оказался высоким настолько, что ему, видимо, приходилось всю жизнь смотреть на людей как на низкорослые препятствия.

— Дамир Адамович, — сказала она ласково, — вы сейчас пытаетесь не пустить кризис-менеджера в кризис?

— Там моя кухня.

— Вот именно. Поэтому она падает на глазах гостей.

— Вы не знаете наших порядков.

— А вы не знаете, где ваши накладные за прошлую неделю. Мы оба в начале пути.

Официантка у стойки прикрыла рот меню.

Дамир медленно наклонился ближе.

Никакой откровенности. Никакой театральной близости. Просто расстояние стало опасно маленьким, и Варя вдруг

почувствовала запах его рубашки: чистая ткань, дым мангала, терпкие специи и что-то сухое, горное, как ветер над камнем.

Неприлично хороший запах для человека, который мешает рабочему процессу.

— В моем ресторане, — произнес он низко, — решения принимаю я.

Варя улыбнулась.

— Как успехи?

Пауза вышла великолепная.

Где-то за стойкой кто-то подавился воздухом.

Дамир смотрел на нее так, будто выбирал между выгнать немедленно и дослушать, сколько еще наглости поместится в одной женщине.

Варя помогла:

— Подсказываю: если бы ваши решения прекрасно работали, меня бы здесь не было. Я бы сейчас лежала где-нибудь у бассейна, мой чемодан не отдыхал бы в Приморске, а козу Розу я не считала бы самым адекватным участником встречи.

— Роза была на вокзале? — спросил мужчина у стойки.

— Али, молчи, — сказал Дамир.

— Просто интересно, как она туда доехала.

— Али.

— Молчу.

Варя обошла Дамира и прошла на кухню.

Кухня «Арсана» была царством огня, пара и почти военной паники. Повар у плиты переворачивал мясо, молодой парень пытался удержать полку, которая действительно держалась на честном слове и двух упрямых шурупах, Зухра командовала всем одновременно, а у мойки стояла девочка лет двадцати с таким лицом, будто ее приняли на работу вчера и уже забыли предупредить, куда бежать при конце света.

— Так, — сказала Варя, хлопнув в ладони. — Кто здесь отвечает за текущую смену?

Все посмотрели на Зухру.

Зухра посмотрела на Дамира.

Дамир посмотрел на Варю.

Варя посмотрела на полку, которая снова угрожающе скрипнула.

— Прекрасно. Ответственного нет, но полка держит интригу. Начнем с нее. Парень, как тебя зовут?

— Тимур.

— Тимур, отпусти полку.

— Она упадет.

— Если ты будешь держать ее до конца жизни, она тоже не станет мебелью. Али!

Мужчина у стойки выглянул.

— Я?

— Вы умеете пользоваться инструментами или только молчать по команде?

Он посмотрел на Дамира.

— Сегодня, кажется, умею всё.

— Отлично. Несите стремянку и крепления. Тимур, ты пока снимаешь с полки все, что бьется, режется и может испортить мне первый рабочий день. Зухра, что из заказов горит по времени?

— Стол у окна ждет шашлык и салат. Еще две лепешки. И чай.

— Сколько ждут?

Девочка у мойки пискнула:

— Сорок минут.

Варя закрыла глаза на секунду.

— Уважаемые, сорок минут люди ждут только любви, зарплаты и ответа на сообщение “нам надо поговорить”. Шашлык должен приходить быстрее.

Зухра неожиданно рассмеялась.

Громко. Одним коротким взрывом.

Дамир у входа нахмурился.

Варя повернулась к повару:

— Шашлык когда?

— Пять минут.

— Три.

— Он будет сырой.

— Тогда четыре, и давайте не спорить с человеком, который пока не знает, где у вас лежат ножи. Я опасна непредсказуемостью.

Через десять минут стол у окна получил свой заказ. Че-

рез пятнадцать полка была разгружена. Через двадцать Варя уже знала, что официанток зовут Лена и Саида, повара — Руслан, Тимура взяли помощником по просьбе двоюродной тети, которая «очень просила», а учет продуктов ведется в трех разных тетрадах, одна из которых называется «Не трогать, это Зухры».

— Это не учет, — сказала Варя, листая тетрадь. — Это народный эпос.

Зухра вырвала тетрадь из ее рук.

— Там всё понятно.

— Там написано: “баклажаны — много”.

— Значит, много.

— А если проверка?

— Проверка пусть тоже смотрит глазами: много.

Дамир, который всё это время стоял у входа в кухню и молча наблюдал, наконец произнес:

— Достаточно.

Варя подняла голову.

— Для первого часа? Согласна. Дайте мне кабинет, доступы, финансовые отчеты за полгода, список поставщиков, график сотрудников, меню с себестоимостью и человека, который умеет делать нормальный кофе.

— У нас есть чай.

— Я спросила про кофе не из любви к напитку, а как проверку цивилизации.

Зухра нахмурилась:

— Чай лучше.

— Возможно. Но отчеты после дороги без кофе я читаю с лицом, которое пугает даже опытных владельцев.

Дамир скрестил руки на груди.

— Вы слишком быстро распоряжаетесь в чужом ресторане.

— Мне за это платят.

— Не я.

— Вам повезло. Значит, я обойдусь вам дешевле, чем могла бы.

Он сделал шаг ближе.

Кухня сразу стихла.

Даже Зухра замолчала, что Варя мысленно отметила как редкое природное явление.

— Варвара Сергеевна, — сказал Дамир, и ее отчество в его устах прозвучало так, будто он не уступал, а обозначал границу, — я согласился на вашу работу только потому, что инвестор поставил условие. Не думайте, что это дает вам право ломать то, что строила моя семья.

Вот оно.

Семья.

Варя с самого начала ждала это слово. В семейных ресторанах оно было и силой, и ловушкой. Им прикрывали рецепты, традиции, старые фотографии, честную работу, а заодно хаос, обиды, ошибки управления и людей, которые давно занимали не свои места, потому что «он же родственник».

Она положила тетрадь на стол.

— Дамир Адамович, я не ломаю то, что строила ваша семья. Я пытаюсь понять, почему оно трещит.

Его глаза стали темнее.

— Осторожнее.

Варя усмехнулась.

— О, я ждала это слово. Обычно оно появляется, когда у мужчины заканчиваются аргументы и начинается территория.

Руслан у плиты резко отвернулся.

Саида уронила салфетки.

Зухра прищурилась с явным удовольствием.

Дамир медленно произнес:

— Вы дерзкая.

— Да.

— У нас это не всегда любят.

— Ничего страшного. Я не фруктовый салат, чтобы всем нравиться.

Кто-то на кухне тихо фыркнул.

Дамир посмотрел на сотрудников, и они мгновенно стали заняты. Очень заняты. Невероятно заняты. Даже полка, казалось, напряглась.

— Пойдемте в кабинет, — сказал он.

— Добровольно или чтобы не продолжать при свидетелях?

— Чтобы вы получили отчеты.

— Вот это уже разговор.

Кабинет Дамира находился на втором этаже и выходил окнами на внутренний двор. Внизу виднелась терраса, увитая виноградом, несколько пустых столов, фонтан без воды и Роза, которая теперь жевала декоративный куст с видом законной владелицы участка.

— Коза ваша? — спросила Варя.

Дамир подошел к окну и увидел Розу.

На его лице впервые появилось нечто похожее на человеческое чувство.

Усталость.

— Нет.

— Но она ведет себя уверенно.

— Она принадлежит соседу. Но считает иначе.

— Родственная душа.

Он посмотрел на нее.

— Вы тоже считаете, что ресторан ваш?

— На месяц — да. По договору.

Дамир подошел к столу, открыл папку и достал распечатанные документы.

— Вот отчеты.

Варя взяла бумаги.

— Все?

— Основные.

Она подняла взгляд.

— Дамир Адамович.

— Что?

— Я приехала не вышивать крестиком вашу самооценку. Мне нужны все отчеты. Основные, дополнительные, неудобные, стыдные, забытые, те, что лежат в ящике, потому что “потом разберемся”, и те, от которых бухгалтерия переживает.

— Вы любите давить.

— Нет. Я люблю цифры. Они не обижаются, когда их спрашивают, куда делись деньги.

Он молчал.

Варя села напротив без приглашения, открыла папку и начала просматривать документы. Через минуту поняла, что дело хуже, чем казалось. Не катастрофа. Но близко. Расходы гуляли, поставщики менялись хаотично, скидки давались без системы, персонал перерабатывал, отзывы падали после смен, где в зале работали новенькие без наставника.

— У вас ресторан управляется характером, — сказала она.

— Что это значит?

— Это значит: пока вы лично стоите над всеми, все движется. Стоит вам отойти — система рассыпается. Люди не понимают правил, зато отлично понимают ваше настроение.

Дамир сел напротив.

— У меня дисциплина.

— Нет. У вас страх с элементами уважения.

Его лицо застыло.

— Вы делаете выводы слишком быстро.

— А вы слишком долго называете проблемы традициями.

За окном Роза боднула куст.

В кабинете повисла тишина. Варя слышала шум кухни снизу, звон посуды, голос Зухры, смех Саиды, короткую команду Али у стойки. Ресторан жил. Неровно, шумно, устало, но жил. И это было хорошо. Мертвые проекты спасти сложнее. Живые сопротивлялись, кусались, обижались и иногда выгоняли кризис-менеджеров. Зато у них был шанс.

Дамир откинулся на спинку кресла.

— Знаете, что мне в вас не нравится?

— Я надеялась получить список после ужина. На голодный желудок критика хуже усваивается.

— Вы пришли и решили, что всё понимаете.

— Нет. Я пришла и увидела, что многое не работает. Понимать я начну после документов, разговоров с персоналом и ревизии кухни. А пока я просто озвучиваю симптомы.

Он прищурился.

— И какой диагноз?

— Дамир Адамович, я обещала себе не использовать скучные слова в первый день. Скажем так: ваш ресторан похож на очень красивого мужчину с тяжелым характером. Снаружи эффектно, внутри все спорят, кто главный.

Его губы едва заметно дернулись.

Почти улыбка.

Варя заметила и тут же мысленно приказала себе не радо-

ваться. Мужчина, который почти улыбается, еще не мужчина, который готов слушать.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами? — спросил он.

— Только с теми, кто начинает встречу словами “вы опоздали”.

— Вы действительно опоздали.

— И это, безусловно, главная причина падения выручки за полгода.

Он снова посмотрел на нее тем самым взглядом, который должен был заставлять слабых людей вспоминать важные дела в другом районе.

Варя не вспомнила.

Снизу раздался громкий хлопок двери. Потом голос Зухры:

— Дамир! Твоя Лейла звонила!

В кабинете стало тихо иначе.

Не деловой паузой.

Личной.

Варя подняла глаза от отчетов.

Дамир резко встал.

— Это не касается работы.

— Пока не знаю. Если Лейла влияет на ресторан, касается.

— Не влияет.

— Вы так быстро ответили, что я почти поверила.

Он подошел к двери.

— Сегодня вы смотрите документы. Завтра с утра обсудим ваши предложения.

— Нет. Сегодня я смотрю ресторан в вечерней посадке. Завтра с утра мы уже начинаем изменения.

— Вы не понимаете, куда приехали.

Варя закрыла папку.

— Понимаю. В ресторан, который через месяц либо получит фестивальный контракт, либо станет красивым семейным воспоминанием с долгами и козой во дворе.

— Осторожнее с козой, — сказал он неожиданно сухо. — Роза мстительная.

Варя замерла.

Потом медленно улыбнулась.

— Это была шутка?

— Предупреждение.

— У вас с юмором, как с отчетностью. Потенциал есть, системы нет.

Дамир открыл дверь.

— Вечером семейный ужин. Родня захочет с вами познакомиться.

— Прекрасно.

— Вы так говорите, будто не понимаете опасности.

— Дамир Адамович, меня сегодня уже встретили табличкой “невеста Дамира”, украли чемодан в сторону моря, представили козе и не пустили на кухню, где полка находилась в состоянии морального разложения. Родня меня не добьет.

— Не будьте так уверены.

— Я пышная женщина из ресторанного бизнеса. Меня трудно добить без предварительной записи.

Внизу снова крикнула Зухра:

— Дамир! Если ты не спустишься, я сама ей скажу!

Варя подняла брови.

— Ей — это мне?

Дамир выдохнул.

— Вероятно.

— Что скажет?

— Что вы не продержитесь здесь и трех дней.

Варя медленно встала.

В ней что-то щелкнуло.

Не злость даже. Азарт.

Тот самый, из-за которого она когда-то впервые взялась за ресторан с разбитыми окнами и сделала из него место, куда бронировали столы за две недели. Тот самый, который включался, когда люди смотрели на ее фигуру, платье, улыбку, слышали шутку и решали: легкая добыча.

Как же они ошибались.

— Тогда спустимся, — сказала она.

— Зачем?

— Хочу услышать это при свидетелях. Так интереснее.

Семейный ужин в «Арсане» оказался не ужином, а собранием совета директоров, замаскированным под пир.

За длинным столом в дальнем зале сидели человек двена-

дцать: тетя Зухра, двое двоюродных братьев, пожилая женщина с ниткой жемчуга на шее, которую все называли Нана, сестра Дамира — тонкая, быстрая Амина с умными глазами, несколько мужчин разной степени серьезности и один подросток, который пытался незаметно снимать Варю на телефон, пока Зухра не стукнула его поруке ложкой.

На столе стояли горячие лепешки, мясо, зелень, сыр, соусы, овощи, чайник, тарелки с фруктами. Запах был такой, что Варин желудок, переживший поезд, вокзал и козу, проснулся и потребовал уважения.

Но есть под двенадцатью оценивающими взглядами было отдельным видом спорта.

— Значит, это Варвара, — сказала Нана, глядя на нее поверх чашки. — Из Москвы?

— Из Москвы, — подтвердила Варя.

— У нас тут не Москва.

— Я заметила. В Москве козы реже встречают у вокзала. Подросток прыснул.

Зухра строго сказала:

— Роза — отдельная тема.

Амина улыбнулась первой по-настоящему.

— Вы уже познакомились с Розой? Значит, город вас принял.

Дамир сел во главе стола, но не расслабился ни на секунду. Варя чувствовала его напряжение даже через расстояние. Он следил за каждым взглядом родни, каждым словом, каждой

паузой. Как человек, привыкший держать под контролем не только бизнес, но и воздух вокруг.

— Дамир говорит, ты будешь спасать ресторан, — произнес один из двоюродных братьев. Кажется, Магомед. Или Мурад. Варя пока не успела запомнить всех, но решила, что выживет.

— Постараюсь, — сказала она.

— А если не получится?

— Тогда вы хотя бы впервые за долгое время узнаете, в чем именно у вас проблемы.

Зухра хмыкнула:

— Смелая.

— Это вежливая версия.

Нана посмотрела на Дамира.

— И ты позволишь ей командовать?

Вот оно.

Варя взяла лепешку и спокойно разломил.

Дамир не ответил сразу. Весь стол ждал. Варя тоже. Ей было любопытно, как именно он сейчас обозначит ее место: временный специалист, требование инвестора, вынужденная мера, женщина со странным чемоданом.

— На месяц, — сказал он. — В рамках договора.

— Месяц — много, — заметила Зухра.

— Для того, чтобы спасти ресторан, мало, — ответила Варя. — Для того, чтобы всех вас довести до желания меня выгнать, вполне достаточно.

Амина рассмеялась.

Нана поджала губы, но в глазах мелькнул интерес.

Дамир посмотрел на Варю с другого конца стола. Не одоб-
рительно. Нет. Скорее предупреждающе. Мол, не играй с ог-
нем.

Варя мысленно показала ему красивую табличку: «Я и
есть пожарная проверка».

— Я скажу прямо, — произнесла Зухра, откладывая лож-
ку. — У нас здесь семья. Мы чужих слушаем тяжело. Ты жен-
щина городская. С языком. С формами. С характером. Да-
мир тебя через три дня выставит.

— Тетя, — резко сказал Дамир.

— Что? Я не сказала “через два”. Я добрая.

За столом кто-то закашлялся.

Варя откинулась на спинку стула.

Вот теперь можно было вступить.

— Дамир Адамович, — сказала она, глядя прямо на него,
— это правда?

Он напрягся.

— Что именно?

— Что вы считаете, будто я не продержусь в вашем ресто-
ране трех дней.

Зал затих.

Где-то на кухне звякнула посуда.

Дамир смотрел на Варю долго. Мог бы сгладить. Мог бы
сказать, что тетя преувеличивает. Мог бы проявить дипло-

матичность, если бы знал, где она у него хранится.

Но он был Дамиром Адамовичем Арсановым.

И, судя по всему, еще не привык отступать.

— Да, — сказал он. — Не продержитесь.

Варя улыбнулась.

Медленно. Широко. Так, что Амина сразу выпрямилась, предчувствуя веселье, а Гиви, стоявший у дверей, почему-то перекрестился.

— Отлично.

— Что отличного? — спросил Дамир.

— Я люблю ясные условия.

Она встала.

Не резко. Не театрально. Просто поднялась, положила салфетку рядом с тарелкой и обвела взглядом стол: Зухру, Нану, Амину, братьев, подростка с телефоном, Гиви у двери, сотрудников, которые уже начали выглядывать из кухни.

Потом снова посмотрела на Дамира.

— Спорим, Адамович, через месяц ты сам попросишь меня остаться?

Глава 2. Не рычи на женщину с договором

Зал застыл так выразительно, будто Варя не спор предложила, а объявила себя новым главой семьи Арсановых, хозяйкой кухни, владелицей Розы и ответственным лицом за все будущие свадьбы города.

Гиви у дверей снова перекрестился, но на этот раз беззвучно. Подросток с телефоном медленно опустил руку, видимо, сообразив, что снимает не просто ужин, а исторический момент, за который его могут либо похвалить, либо отправить чистить ящики с зеленью до пенсии. Амина смотрела на Варю с таким восторгом, будто перед ней только что открыли новый вид спорта: метание слов в старших мужчин.

Дамир не шевельнулся.

Он сидел во главе стола, темный, собранный, с тем самым лицом, каким, вероятно, подписывал неприятные договоры, увольнял нерадивых поставщиков и заставлял родственников внезапно вспоминать, что они заняты. Только сейчас это лицо было обращено на Варю, и ей почему-то стало жарче, чем от всей кухни вместе взятой.

— Вы предлагаете мне спор? — спросил он.

— Да.

— При моей семье?

— При свидетелях надежнее. У меня есть привычка фиксировать важные условия.

Зухра прищурилась.

— Слышите? Фиксировать она любит. Опасная женщина.

— Тетя, — сказал Дамир, не отводя взгляда от Вари.

— Что? Я ничего. Я ем.

Но не ела. Как и все за столом.

Варя стояла спокойно, хотя внутри у нее усталость после дороги, потерянного чемодана и первого часа в «Арсане» уже складывала чемоданы и требовала отдельный отпуск. Ей хотелось сесть, выпить воды, съесть что-нибудь горячее и хотя бы на десять минут перестать быть остроумной бронемашинной. Но такие моменты нельзя было отдавать на самотек. Если сейчас она сядет и переведет все в шутку, завтра с ней будут разговаривать как с временной забавой.

А она приехала не забавлять гордый Кавказ.

Хотя, судя по взгляду Амины, побочный эффект был неплохой.

Дамир медленно поднялся.

За столом сразу стало еще тише. У этого мужчины даже вставание было способом занять помещение. Он не повышал голос, не стучал кулаком, не делал лишних жестов, но пространство будто само подстраивалось: стулья становились ниже, люди — внимательнее, воздух — плотнее.

Варя подумала, что это, конечно, очень эффектно.

И совершенно не повод сдавать позиции.

— Хорошо, — сказал он. — Спорим.

Гиви выдохнул:

— Ой.

Нана повернулась к нему:

— Гиви, ты почему ойкаешь? Ты невесту привез, теперь отвечай морально.

— Я больше таблички не пишу. Никогда. Даже «хлеб» не напишу.

Амина тихо рассмеялась.

Дамир продолжал смотреть на Варю.

— Условия?

— Через месяц ресторан выходит на фестиваль без позора, с нормальной посадкой, понятными процессами, живыми соцсетями, рабочими поставками и персоналом, который не вздрагивает от вашего взгляда чаще, чем от падения полки.

— Полка уже закреплена, — пробормотал Али.

— Прекрасно. Первый успех команды, — сказала Варя, не глядя на него.

— А если не выйдет? — спросил один из двоюродных братьев, широкоплечий мужчина с тяжелым взглядом и очень аккуратной бородой.

— Тогда я сама признаю, что была не права, и уеду сразу после фестиваля, не требуя продолжения контракта.

Дамир чуть сузил глаза.

— Контракт и так на месяц.

— В нем есть пункт о продлении при достижении показателей. Вы, видимо, читали договор так же внимательно, как ресторан отвечает на отзывы.

За столом кто-то снова кашлянул.

Дамир медленно вдохнул.

— А если выйдет?

Варя улыбнулась.

— Тогда вы при всей семье, сотрудниках и той самой Розе скажете, что Варвара Морозова была права.

— И всё?

— Нет, конечно. Еще попросите меня остаться.

Зухра хлопнула ладонью по столу.

— Вот это женщина! Сразу берет не лепешку, а тандыр!

Нана неодобрительно поджала губы, но в глазах у нее снова мелькнул интерес.

— И что, ты согласишься остаться? — спросила Амина.

Варя повернулась к ней.

— Если ресторан будет способен пережить мое отсутствие хотя бы один выходной — подумаю.

— Вы слишком уверены, — сказал Дамир.

— Нет. Я слишком устала слушать, как мужчины с плохо выстроенными процессами называют уверенность чужой дерзостью.

Эта фраза повисла над столом, как аромат специй: остро, горячо и не всем приятно.

Дамир сделал шаг из-за стола.

Варя не отступила.

Он подошел ближе, остановился напротив. Между ними остался угол стола, тарелка с зеленью и такая концентрация внимания родни, что Варя почти слышала, как у каждого в голове скрипят выводы.

— Варвара Сергеевна, — сказал он негромко. — В моем доме не принято разговаривать с хозяином таким тоном.

— Дамир Адамович, в вашем ресторане через месяц фестиваль. Предлагаю временно заменить традицию обижаться на традицию работать.

У Амины вырвался смешок.

Нана сказала:

— А она не боится.

— Боится, — спокойно ответила Варя. — Просто не вас.

Дамир смотрел на нее долго. Очень долго. И в этом взгляде было то, что Варя уже успела назвать смесью раздражения и интереса, но теперь добавилось еще кое-что. Вызов. Не тот дешевый, когда мужчина хочет поставить женщину на место. Другой. Будто перед ним вдруг оказался противник, которого нельзя просто сдвинуть с дороги.

— Хорошо, — произнес он. — Месяц.

— Три дня уже отменяются?

— Нет. Три дня остаются. Посмотрим, как быстро вы устанете от нашего хаоса.

— А вы от моего порядка.

— Я не устаю.

— Все так говорят, пока не увидят мою таблицу задач.

Гиви снова сделал движение рукой к груди, но вовремя остановился.

Зухра указала на Варину тарелку.

— Садись. Спор спором, а еда остывает. Женщина, которая спорит с голодным животом, долго не живет в хорошем настроении.

— Наконец-то в этой семье прозвучала здравая мысль, — сказала Варя и села.

Дамир вернулся на свое место.

На этом семейный ужин, по идее, должен был продолжиться. Но после заключенного спора еда стала не просто едой, а частью переговоров. Зухра подкладывала Варе мясо так, будто проверяла ее способность выдерживать давление через тарелку. Нана задавала вопросы о Москве, ресторанах, фестивалях и почему «такая женщина» приехала одна. Амина улыбалась и время от времени спасала Варю от самых острых семейных углов, переводя разговор на город, кухню или Розу, которая, по слухам, однажды сорвала фотосессию местного депутата.

Дамир ел мало.

Смотрел много.

Варя это чувствовала даже тогда, когда говорила с Наной или отвечала Зухре. Его взгляд касался не фигуры, не платья, не ее губ — Варя знала разницу. Он смотрел так, будто пытался понять механизм. Как она устроена. Где у нее кноп-

ка исключения. Почему она не смущается, когда ее оценивают. Почему не отводит глаза, когда ей бросают вызов. Почему шутит вместо того, чтобы оправдываться.

Варе было знакомо это мужское недоумение.

Многие считали, что пышная женщина обязательно должна быть благодарна за нейтральный взгляд, за комплимент с подтекстом, за место в комнате, где ее не обсуждают слишком громко. Варя давно перестала выдавать благодарность за базовое уважение. Кто-то принимал это за заносчивость. Кто-то — за вызов. Кто-то — за проблему.

Дамир, похоже, пока выбирал между всеми тремя вариантами.

После ужина он поднялся первым.

— Завтра в восемь утра встречаемся в кабинете. Обсудим план.

Варя отставила чашку.

— Нет.

По столу снова прошла волна тишины.

Зухра даже перестала жевать.

Дамир медленно повернулся к Варе.

— Что опять «нет»?

— В восемь утра я буду на кухне. В семь тридцать — у поставщиков, если кто-то из ваших людей соизволит дать мне адреса. В девять — летучка с персоналом. В кабинете можно сидеть после того, как ресторан поймет, что его завтра не унесет ветром.

— Утром у меня встреча с поставщиком мяса.

— Отлично. Я пойду с вами.

— Не пойдете.

— Пойду.

— Варвара Сергеевна.

— Дамир Адамович.

— Это мои поставщики.

— А это мой первый день управления кризисом. Поставщики, которые срывают сроки, — часть кризиса. Значит, я иду.

Он сделал шаг ближе, но на этот раз между ними была не кухня и не кабинет, а целый семейный стол. Это немного снижало драматизм, зато увеличивало количество зрителей.

— Вы не будете вмешиваться в разговоры, где ничего не понимаете.

Варя улыбнулась.

— Обожаю фразу «ничего не понимаете». Обычно через пять минут после нее выясняется, что человек сам не знает, где подписанный акт.

— У нас все подписано.

Али у стойки очень неудачно уронил ложку.

Дамир посмотрел на него.

Али поднял руки:

— Я не специально.

— Что не специально? — спросила Варя.

— Ничего.

— Али.

Он взглянул на Дамира, потом на Варю, потом на Зухру. Та сложила руки на груди и сказала:

— Говори. Раз уже ложку уронил, судьба решила.

Али сглотнул.

— По мясу накладные есть, а по зелени за прошлую неделю не все. Но это не моя зона.

— Чья?

В комнате стало странно тихо.

Дамир ответил первым:

— Завтра разберемся.

— Сегодня запишем, — сказала Варя. — Завтра разберемся.

— Вы будете записывать за ужином?

— Да. Потому что проблемы почему-то не ждут, пока мы красиво допьем чай.

Нана подняла брови.

— Она всегда такая?

Амина улыбнулась:

— Надеюсь.

Дамир смотрел на Варю, и в нем явно боролись два желания: поставить ее на место и узнать, что она найдет, если дать ей еще пять минут.

Победил контроль.

— После ужина в кабинет. Договор покажете.

— С удовольствием.

— И инвестору позвоним.

— Еще лучше. Пусть тоже насладится семейным гостеприимством.

Зухра одобрительно кивнула:

— У нее нервы крепкие.

— У нее договор крепкий, — поправила Варя.

Кабинет Дамира вечером выглядел иначе.

Днем он был просто рабочим пространством владельца: стол, документы, кожаные кресла, полки, фотографии старого «Арсана», вид на внутренний двор и Розу, которая уже исчезла, оставив после себя надкушенный куст и ощущение правового спора. Вечером кабинет стал ареной. Дамир стоял у окна, Варя — у стола, Амина устроилась в кресле без приглашения, Зухра пришла «на минуту» и осталась у двери, а Гиви заглянул якобы сообщить про чемодан, но тоже почему-то не уходил.

— Это не семейный сериал? — спросила Варя, открывая сумку. — Потому что я чувствую, что пропустила момент, когда включили камеры.

— У нас так принято, — сказала Амина. — Если Дамир злится, все хотят знать, на кого.

— Сегодня на меня, видимо.

— Сегодня вы новая. Это редкость.

Дамир повернулся от окна.

— Лишние могут выйти.

Никто не вышел.

Зухра даже руки сложила удобнее.

Варя достала папку с договором. Бумага была немного помята после дороги, зато подписи и печати прекрасно читались. Она положила документ на стол и развернула к Дамиру.

— Пункт четыре один: на период антикризисного управления исполнитель получает доступ ко всем операционным, финансовым и кадровым процессам проекта. Пункт четыре два: владелец обязуется не препятствовать сбору информации, внедрению временных регламентов и оптимизации процессов в пределах согласованного бюджета. Пункт четыре пять: при отказе владельца предоставить доступ инвестор вправе приостановить финансирование проекта до устранения препятствий.

Дамир взял документ.

— Вы выучили его наизусть?

— Я его подписала, Дамир Адамович. Это обычно помогает.

— Здесь не сказано, что вы можете распоряжаться моей кухней без согласования.

— А здесь не сказано, что ваша кухня может сорок минут держать гостей без еды и объяснений. Иногда жизнь творчески дополняет договор.

Он поднял взгляд.

— Вы будете согласовывать изменения со мной.

— Стратегические — да. Срочные операционные — нет.

— Это мой ресторан.

— А это ваши убытки.

Амина тихо присвистнула.

Зухра сказала:

— Вот это удар ниже кассы.

Гиви пробормотал:

— Я просто про чемодан пришел.

Дамир резко посмотрел на него.

— Так говори про чемодан.

— Чемодан нашелся.

Варя подняла голову.

— Правда?

— Да. Но есть нюанс.

— Гиви, я уже боюсь ваших нюансов.

— Он приехал в Приморск. Потом его отправили обратно.

Но по дороге его случайно забрала женщина из свадебного автобуса. Она думала, это подарки.

Варя закрыла глаза.

— Мой чемодан побывал на свадьбе?

— Пока только в автобусе. Но женщина обещала вернуть завтра утром. Она сказала, если там красивое платье, можно она посмотрит.

— Нет, — одновременно сказали Варя и Дамир.

Все посмотрели на Дамира.

Он помрачнел.

— Вещи гостя трогать нельзя.

— Гостя? — уточнила Варя.

— Исполнителя по договору, — поправил он.

— Как романтично звучит.

Амина прыснула.

Дамир снова повернулся к договору.

— Мы звоним Ланскому.

Варя кивнула.

— Звоним.

Игорь Борисович Ланской, инвестор ресторанного проекта, взял трубку на третьем гудке. Судя по фоновому шуму, он находился не в ресторане, а где-то, где люди говорили тише и кондиционеры работали стабильнее. Голос у него был бодрый, деловой, немного усталый — голос человека, вложившего деньги и уже пожалевшего, но еще надеющегося.

— Дамир Адамович? Варвара добралась?

— Добралась, — сказал Дамир.

— Прекрасно. Варвара, вы там?

— Здесь, Игорь Борисович. В целости, без чемодана, зато с первичным пониманием масштаба трагикомедии.

— Чемодан?

— Не основная проблема.

— Даже страшно спросить основную.

Дамир сказал жестко:

— У нас вопрос по полномочиям Варвары Сергеевны.

— А что с ними?

— Она считает, что может вмешиваться во все процессы без моего согласования.

— В рамках договора — может.

Пауза в кабинете стала очень вкусной.

Варя почти пожалела, что не взяла с собой чай.

Дамир медленно произнес:

— Игорь Борисович, вы понимаете, что это семейный ресторан?

— Именно поэтому я и пригласил Варвару. У вас семейный ресторан, Дамир, а не семейный музей. Он должен работать.

Зухра одобрительно хмыкнула.

Дамир бросил на нее предупреждающий взгляд, но телефон уже продолжал:

— Я говорил вам заранее: либо Варвара месяц наводит порядок, либо я замораживаю второй транш. Фестиваль через четыре недели. Если «Арсан» провалит участие, контракт уйдет конкурентам. Вы это знаете.

— Я не отказываюсь от ее работы.

— Вы пытаетесь ее ограничить?

— Я пытаюсь сохранить контроль.

— Тогда сохраняйте его там, где он помогает. Там, где мешает, слушайте специалиста.

Амина беззвучно показала Варе два больших пальца.

Варя отвернулась, чтобы не рассмеяться.

Дамир стал еще мрачнее.

— Вы хотите сказать, что я должен передать ей ресторан?

— Я хочу сказать, что месяц вы работаете вместе. Вар-

вара получает доступ к документам, поставщикам, персоналу, графикам и меню. Решения, влияющие на бюджет сверх согласованного лимита, вы утверждаете вместе. Операционные изменения — ее зона. Это было в договоре.

— Я видел.

— Судя по вопросу, не весь.

В кабинете кто-то очень тихо вдохнул. Кажется, Гиви.

Дамир закрыл глаза на секунду.

— Хорошо.

— Дамир, я скажу прямо, — голос Ланского стал жестче.

— У «Арсана» сильное имя. Но за последние месяцы вы потеряли темп. Я не вкладываюсь в гордость. Я вкладываюсь в результат. Либо Варвара получает возможность работать, либо я выхожу из проекта.

Тишина.

Варя смотрела на Дамира и впервые за вечер не шутила даже внутри себя. Потому что сейчас речь была не о ее споре с упрямым владельцем. Речь была о ресторане, который держали десятки рук, о людях, чьи зарплаты зависели от того, сможет ли «Арсан» выбраться, о семье, которая прятала страх за громкими словами, о мужчине, который привык тащить все на себе и, похоже, не понимал, что уже не тащит — удерживает на краю.

Дамир открыл глаза.

— Она получит доступ.

Варя не улыбнулась.

— Спасибо, — сказал Ланской. — Варвара, вы там живы?

— Пока да. Тут, правда, семейный совет с элементами допроса.

— Привыкайте. У Арсановых иначе не бывает.

Зухра возмутилась:

— Он нас знает десять лет и до сих пор жив. Пусть не жалуется.

Ланской рассмеялся:

— Зухра-ханум, вы тоже там?

— А где мне быть, если в мою кухню пришла московская булочка и теперь будет учить нас жить?

Варя подняла палец.

— Про булочку я запомнила.

— Запомни. Булочка — это не обида. Булочка — это ответственность. Плохую булочку никто не уважает.

— Зухра-ханум, — сказал Ланской, — прошу вас не воевать с Варварой.

— Я не воюю. Я проверяю.

— Проверяйте мягко.

— Это как?

— Хотя бы без крика.

Зухра подумала.

— Не обещаю.

Варя впервые за вечер искренне рассмеялась.

Дамир посмотрел на нее.

Этот смех явно сбил его с привычного ритма. Он был го-

тов к спору, к нападению, к дерзости, к договору, к давлению инвестора. Но Варин смех, теплый и живой, прозвучал в его кабинете неожиданно мягко. В нем не было насмешки. Только усталость, юмор и странная способность не превращать каждую колкость в войну.

Он отвел взгляд первым.

— Завтра в семь тридцать, — сказал он. — Поставщики.

— В шесть сорок пять, — ответила Варя.

— Почему?

— Потому что перед поставщиками я хочу увидеть склад.

— Склад закрыт.

— Завтра откроется.

Дамир медленно выдохнул.

— Вы невозможная.

— Практически. Но продуктивная.

Ланской в трубке сказал:

— Вот и договорились. Варвара, держите меня в курсе.

Дамир, не рычите на женщину с договором. Это дорого.

Связь оборвалась.

В кабинете повисла фраза, которая явно заслуживала попасть в семейную летопись.

Амина первая не выдержала:

— «Не рычите на женщину с договором» — я хочу это на футболку.

— А я на табличку в кабинет, — сказал Гиви.

Дамир медленно повернулся к нему.

— Ты вообще почему еще здесь?

— Чемодан.

— Ты уже сказал.

— Подробности были.

— Выйди.

— Выхожу.

Гиви исчез с такой скоростью, будто у него внезапно появились дела в другом районе. Амина поднялась следом, но перед уходом наклонилась к Варе и шепнула:

— Если вы правда продержитесь месяц, я лично испеку торт.

Зухра возмутилась:

— Ты? Торт? После твоего прошлого раза мы три дня стол отмывали.

— Это была творческая версия.

— Это была угроза мебели.

Амина улыбнулась Варе.

— Добро пожаловать в семью. То есть в ресторан. Пока в ресторан.

— Амина, — сказал Дамир.

— Все, ухожу.

Когда дверь наконец закрылась, они остались вдвоем.

Кабинет резко стал тише. Слишком тише. Без Зухры, Амины и Гиви воздух между Варей и Дамиром снова приобрел ту самую плотность, в которой легко было услышать не только слова, но и паузы.

Варя собрала договор и положила его в папку.

— Вы злитесь.

— Да.

— На меня?

— В том числе.

— А еще?

Он подошел к столу и оперся ладонью о край.

— На Ланского. На ситуацию. На то, что мой ресторан обсуждают так, будто я уже не справляюсь.

— Вы не справляетесь.

Его взгляд стал тяжелым.

— У вас удивительный талант выбирать самые неприятные слова.

— Я выбираю точные. Неприятность идет бонусом.

— Вы правда думаете, что за месяц можете все изменить?

Варя села обратно в кресло, хотя он не предлагал. Сил стоять больше не было. День действительно получился длиннее некоторых недель. Она чувствовала, как гудят ноги, как дорожное платье стало слишком жарким, как хочется снять серьги, умыться, сесть где-нибудь в тишине и не держать лицо. Но показывать усталость сейчас не хотелось. Не Дамиру. Пока нет.

— Нет, — сказала она честно. — Всё — не могу. За месяц нельзя перестроить семейные привычки, выровнять все финансы, обучить персонал, вернуть репутацию, убрать хаос и сделать так, чтобы вы перестали давить людей взглядом.

— Я не давлю людей взглядом.

— Сейчас давите стол.

Он посмотрел на свою ладонь на столешнице и убрал ее.

— Что тогда можете?

— Найти ключевые провалы. Закрывать самые опасные дыры. Подготовить ресторан к фестивалю так, чтобы он не выглядел как красивый дом, где все поссорились. Вернуть людям ощущение, что они работают не под вашим гневом, а ради общего результата. И показать гостям, почему «Арсан» стоит выбрать.

— Звучит просто.

— Это потому, что я красиво говорю. На деле будет больно.

— Мне?

— Всем. Но вам особенно. Вы главный узел.

Он усмехнулся.

— Теперь я уже узел?

— Красивый, крепкий, плохо развязываемый.

Сказала — и сама поняла, что фраза прозвучала опасно двусмысленно.

Дамир тоже понял.

Его взгляд изменился на долю секунды. Стал не деловым, не раздраженным, а слишком внимательным. Варя почувствовала, как жара поднимается от шеи к щекам, и мысленно выругала себя за то, что усталость делает язык менее осторожным.

— Я имела в виду управленчески, — добавила она.

— Конечно.

— Не улыбайтесь.

— Я не улыбаюсь.

— У вас лицо почти сдвинулось в сторону человеческих эмоций. Я заметила.

Он действительно почти улыбнулся.

Почти.

Потом снова стал серьезным.

— Вы сегодня остаетесь в гостевой комнате над рестораном. Чемодан привезут завтра. Если что-то понадобится, скажите Амине.

— Спасибо.

— Это не гостеприимство. Это логистика.

— Конечно. У вас вообще все теплое называется страшными словами.

Он открыл ящик стола, достал связку ключей и положил перед ней.

— Кухня. Склад. Кабинет бухгалтера. Архив договоров. Второй ключ от служебного входа.

Варя посмотрела на ключи.

Потом на него.

— Это доверие?

— Это требование инвестора.

— Разумеется.

Она взяла связку. Металл был тяжелым и теплым после

его ладони.

Странно, но от этого простого движения — ключи из его рук в ее — в груди что-то коротко дрогнуло. Не романтика. Не нежность. Скорее предчувствие: сейчас она действительно вошла в этот ресторан не гостьей, не шуткой за семейным столом, не «московской булочкой» для проверки Зухры.

Человеком, которому придется вскрывать чужой хаос.

А значит, кому-то она очень быстро станет мешать.

— Завтра начнем со склада, — сказала она, поднимаясь.

— Завтра начнем с поставщиков.

— Значит, сначала склад, потом поставщики. И не рычите. У меня договор.

Он проводил ее до двери взглядом.

— Варвара Сергеевна.

Она остановилась.

— Да?

— Здесь не любят чужих.

— Я заметила.

— Но уважают тех, кто держит слово.

Она посмотрела на него через плечо.

— Тогда нам с вашим Кавказом есть о чем поговорить.

Гостевая комната над рестораном оказалась маленькой, чистой и удивительно уютной. Низкая кровать с резным изголовьем, окно во внутренний двор, тонкие занавески, деревянный шкаф, в котором пока грустно висели три пустые плечики, и кувшин с водой на столе. Амина принесла поло-

тенце, ночную футболку «Арсан. Вкус гор с 2014 года» и пакет с надписью «временное спасение».

— Там зубная щетка, расческа, домашние тапочки и платье, — сказала она.

— Платье?

— Мое. Но оно свободное. Наверное. Если нет, не обижайтесь, я плохо умею оценивать размеры на глаз и не хочу умереть от вашего взгляда.

Варя взяла пакет.

— Спасибо. Вы единственный человек за сегодня, кто боится моего взгляда с уважением.

Амина улыбнулась.

— Мне вы нравитесь.

— Подождите до завтра. Я еще графики смен не трогала.

— Тем более нравитесь.

Она уже собиралась уйти, но задержалась у двери.

— Не обижайтесь на тетю Зухру. Она громкая, но не злая.

— Я не обиделась.

— На «московскую булочку»?

— Амина, я пережила школьные раздевалки, корпоративные вечеринки и владельца суши-бара, который называл меня «наша аппетитная стратегия». Тетя Зухра меня не сломает.

Амина поморщилась.

— «Аппетитная стратегия» — ужас.

— Да. Я тогда увеличила ему продажи на сорок процентов

и ушла, не попрощавшись.

— Красиво.

— Очень.

Когда Амина ушла, Варя закрыла дверь и наконец позволила плечам опуститься.

Тишина комнаты была такой неожиданной, что в ушах еще звенела кухня: Зухрин голос, звон посуды, команды, смех Амины, низкий голос Дамира, фраза «не продержитесь». Варя сняла серьги, положила их на стол, умылась холодной водой и посмотрела в маленькое зеркало над раковиной.

Из зеркала на нее смотрела женщина с растрепанными волосами, усталыми глазами и упрямым подбородком. Платье помялось. Тушь чуть отпечаталась под глазами. На щеке была едва заметная полоска муки — вероятно, подарок кухни.

— Ну что, Морозова, — сказала Варя своему отражению. — Хотела интересный контракт? Получай Кавказ с козой.

Отражение выглядело не слишком испуганным.

Скорее заинтересованным.

Она переоделась в футболку «Арсана», которая оказалась достаточно просторной, чтобы не стать семейной драмой, и села за маленький стол у окна с ноутбуком. Спать хотелось ужасно, но еще сильнее хотелось понять, куда именно она влезла.

Документы, которые Дамир дал днем, были неполными. Это Варя поняла сразу. Но ключ от архива договоров уже

лежал рядом, а она не зря была человеком, который считал, что лучшее средство от бессонницы — чужая финансовая неаккуратность.

Она остановила пальцы над клавиатурой.

Средство.

Нет. Не надо так. Просто способ.

Варя устало потерла лоб и открыла электронную папку, доступ к которой Амина прислала через десять минут после ухода. «Это не все, — написала она. — Но с этого можно начать. Только не говорите Дамиру, что я быстрее него дала доступ. Хотя скажите. Интересно, какое у него будет лицо».

Варя улыбнулась.

Файлы открывались медленно. Таблицы за последние полгода, сканы накладных, графики смен, база бронирования, отзывы, переписка с поставщиками. Варины глаза быстро устали, но мозг, наоборот, проснулся. Вот это она любила: когда под шумом характеров начинали проступать цифры. А цифры, если их не пугать, рано или поздно рассказывали правду.

В первые полчаса она отметила очевидное: падение выручки началось не сразу, а рывками. Провалы по выходным. Плохие отзывы группировались вокруг конкретных дат. Срыв корпоративных заявок совпадал с задержками поставок. Графики смен в эти дни почему-то были особенно неудобными: новички стояли в зале без опытных официантов, Руслана переводили на непрофильные заготовки, а Зух-

ра ругалась в переписке так, что у Вари возникло желание распечатать это и продавать как отдельный жанр народной поэзии.

К полуночи во дворе стихли последние голоса.

Роза не появилась.

Дамир тоже.

И это, пожалуй, было к лучшему. Варя не была уверена, что выдержит еще одну словесную дуэль без того, чтобы не начать бросаться скобками из договоров.

Она уже собиралась закрыть ноутбук, когда увидела странную строку.

Таблица поставок зелени.

За три недели до сегодняшнего дня — отказ от постоянного поставщика «Горный сад». Причина: «не соответствует требованиям качества». Через день — переход на нового поставщика, «Южный двор». Цена выше на восемнадцать процентов. Сроки хуже. Две задержки в первую же неделю.

Варя нахмурилась.

Открыла скан отказа.

Подпись Али.

Странно.

Али на складе вел себя как человек, который скорее уронит ложку, чем примет самостоятельное решение о смене поставщика.

Она открыла переписку.

Письмо от «Горного сада»: «Просим уточнить причину

отказа. Ваша заявка на фестивальный период была подтверждена, объемы зарезервированы. Со своей стороны нарушений не фиксируем».

Ответ из «Арсана»: «Решение окончательное. Возврат к сотрудничеству не рассматривается».

Подпись: А. Арсанов.

Али? Или кто-то другой из Арсановых?

Варя открыла следующую папку.

Поставка мяса. Тоже смена условий. За две недели до фестивальной регистрации. Потом молочные продукты. Потом фрукты. Везде одно и то же: старый поставщик убирается без понятной причины, новый приходит дороже, хуже и нестабильнее. И каждый раз в комментариях мелькала короткая пометка:

«По устному распоряжению».

Чьему?

Варя выпрямилась.

Усталость ушла не полностью, но отступила достаточно, чтобы она снова стала Варварой Морозовой, женщиной, которая находила чужие проблемы даже там, где их аккуратно присыпали семейной гордостью.

Она сделала скрин, открыла блокнот и начала выписывать даты.

Падение выручки.

Срывы поставок.

Плохие отзывы.

Смены персонала.

Все цеплялось одно за другое. Не идеально. Не как готовая схема. Но слишком аккуратно для случайного хаоса.

Кто-то срывал ресторан не громко.

Не скандалом.

Не пожаром в зале и не дракой на кухне.

Мелочами.

Поставки чуть позже. Качество чуть хуже. Новички в самые тяжелые смены. Накладные без полного пакета. Комментарии «устно решили». Дамир, который привык управлять лично, видел результат и злился на людей. Люди боялись, ошибались еще больше. Ресторан падал. Конкуренты поднимались.

Красиво.

Подло.

Очень профессионально.

За дверью тихо скрипнула половица.

Варя замерла.

Потом на всякий случай закрыла не ноутбук, а только яркость экрана снизила. Прислушалась. В коридоре над рестораном было тихо. Может, старый дом. Может, Амина. Может, Дамир решил проверить, не сбежала ли московская булочка через окно.

Она встала, подошла к двери и осторожно открыла.

Коридор был пуст.

Только у порога лежал ее чемодан.

Тот самый. Темно-синий, с яркой ленточкой на ручке и наклейкой «Не кантовать, там нервы». На чемодане стояла маленькая тарелка с двумя лепешками, кусочком сыра и запиской.

Варя взяла листок.

Почерк был крупный, угловатый.

«Гиви привез. Свадебная женщина ничего не трогала. Почти. Ешьте. Завтра рано. Д. А.»

Варя перечитала записку.

Потом посмотрела на тарелку.

Потом на пустой коридор.

— Не гостеприимство, конечно, — пробормотала она. — Логистика с сыром.

И почему-то улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла, когда она вернулась к ноутбуку и еще раз посмотрела на странные записи в документах.

Кто-то не просто вел «Арсан» к провалу.

Кто-то очень хотел, чтобы к фестивалю ресторан Дамира Адамовича выглядел слабым, усталым и неуправляемым.

Варя взяла лепешку, откусила, открыла новую таблицу и написала сверху:

«Кто срывает поставки?»

Ниже — первую строчку:

«Это не хаос. Это чья-то работа».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.